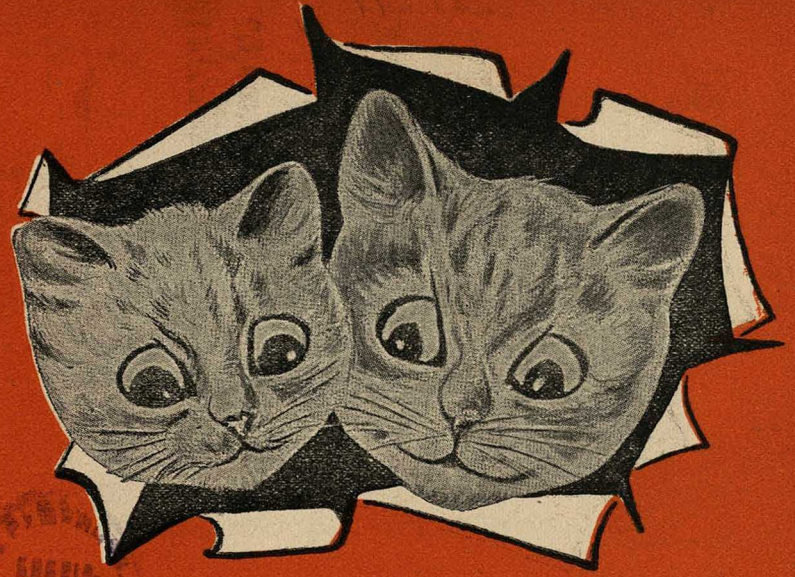

III 45
10

Годъ изданія второй
СЕНТЯБРЬ.

№ 21.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

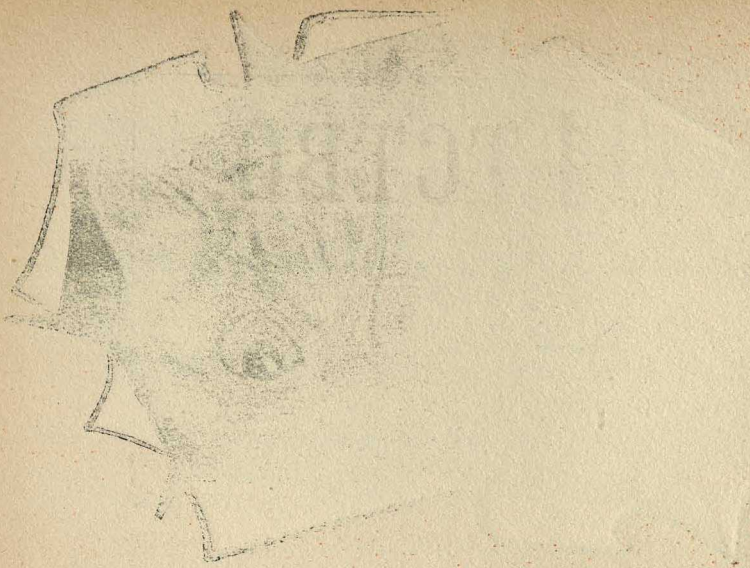

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗАПИСКИ МАРТЫШКИ.
УЖЕ СЕНТЯБРЬ...
ДРУЖОКЪ и ӨОМКА (повѣсть).
ОСЕНЬ.
ВОРОБЕЙ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

«Въ Смутное время»—историческій
романъ (листь 9-й).
Выкройка платья для дѣвочки.

Handwritten text, possibly a title or a name, in a cursive or semi-cursive script, appearing very faint and mirrored.

Handwritten text, possibly a date or a short note, in a cursive or semi-cursive script, appearing very faint.

Handwritten text, possibly a signature or a name, in a cursive or semi-cursive script, appearing very faint.

Handwritten text, possibly a date or a short note, in a cursive or semi-cursive script, appearing very faint.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ЗАПИСКИ МАРТЫШКИ.

Наконецъ-то исполняется моя давнишняя, завѣтная мечта! Я одинъ, совершенно одинъ во всемъ домѣ! Мои хозяева ушли въ гости, прислуга

отпущена въ народный домъ и я сижу въ кабинетѣ у моего господина, за его письменнымъ столомъ и, обмакивая палецъ въ чернильницу, пишу

Друзья.

имъ эти мои записки. Выходить не особенно красиво, но зато все въ нихъ правда, отъ слова до слова.

Прежде всего—позвольте представиться: я—Кри-Кри, мартышка, мнѣ шесть лѣтъ. У себя на родинѣ я считался красивымъ. На спинѣ у меня шерсть сѣро-зеленоватая, на рукахъ, ногахъ и хвостѣ—пепельнаго цвѣта. У меня довольно длинный, цѣпкій хвостъ, небольшіе бакенбарды, носъ, губы и брови черныя, и грудь бѣловатая. Что касается моихъ нравственныхъ качествъ, то я—очень милый малый. Я очень веселаго нрава, люблю проказить, дѣлать гримасы, передразнивать и надоѣдать. Но это я дѣлаю отъ чистаго сердца, вовсе не желая причинить кому-нибудь неприятность.

Я очень люблю своего хозяина, его жену и двухъ ихъ дѣтей. Чтобы доставить имъ удовольствіе, я готовъ выскочить на улицу изъ окна третьяго этажа и выпить цѣлую бутылку чернила. Они думаютъ, что чернила для меня вредны, но они очень ошибаются: я нѣсколько разъ выпивалъ у хозяина чернила прямо изъ чернильницы и мнѣ это нисколько не вредило; они кисленькія.

Я слышалъ не разъ, какъ хозяинъ говорилъ обо мнѣ, что я очень уменъ. И дѣйствительно, я могу этому повѣрить, такъ какъ всѣ тѣ штуки, которымъ онъ меня училъ, я исполняю превосходно. Я умѣю кататься верхомъ на собакѣ, прыгать черезъ обручъ и дѣлать всевозможныя гри-

масы. Я отлично продѣлываю на трапедіи всевозможныя штуки и однажды даже, желая потѣшить своихъ хозяевъ, уцѣпился хвостомъ за висячую лампу въ столовой и повисъ внизъ головою надъ обѣденнымъ столомъ. Къ сожалѣнію, лампа не выдержала, сорвалась съ крючка и я упалъ головою прямо въ миску съ супомъ. И хотя меня за это больно наказали, но хозяинъ несомнѣнно остался очень доволенъ этимъ моимъ фокусомъ, такъ какъ долго рассказывалъ о немъ потомъ всѣмъ своимъ знакомымъ.

Но каковы бы ни были мои достоинства, у меня есть и недостатки. Главный изъ нихъ это то, что я большой лакомка. Я могу ѣсть когда угодно, что угодно и сколько угодно. За щеками у меня есть два мѣшка и я складываю въ нихъ все, что могу найти. И стоитъ только мнѣ захотѣть поѣсть, какъ я выталкиваю изъ мѣшка языкомъ спрятанный въ немъ орѣхъ или кусочекъ хлѣба и съѣдаю. Это-то всегдашнее желаніе покушать и лишило меня свободы.

Но вотъ послушайте мою исторію. Я—родомъ съ острова Мадагаскара. Если вы позабыли, что это за островъ, то я вамъ напомню: это большой островъ, протянувшійся вдоль восточнаго берега южной Африки. Онъ находится въ Индійскомъ океанѣ и имѣетъ три милліона жителей. Принадлежитъ онъ французамъ.

Я отлично припоминаю тотъ яркій, солнечный день, когда я находился въ густомъ тѣнистомъ лѣсу, въ ко-

торомъ росли бананы, вѣрныя пальмы, финики и хлопчато-бумажные кусты. Вы не можете себѣ представить, какое удовольствіе перелѣзть съ дерева на дерево, прислушиваться къ крикамъ удивительныхъ птицъ, которыя блистаютъ на солнцѣ своими яркими перьями, какъ драгоценныя камни! Ліаны гирляндами вьются вокругъ стволовъ деревьевъ и спускаются внизъ съ ихъ вершинъ, покрывая ихъ множествомъ разноцвѣтныхъ цвѣтовъ.

Но тогда я не особенно обращалъ вниманіе на всю эту красоту; тогда у меня была своя забота: не попасться на зубы леопарду или шакаламъ. Моя милая мать все время была около меня, стерегла меня и старалась покормить чѣмъ-нибудь повкуснѣе. Все время она тосковала по моему покойному отцѣ, который погибъ, поймавъ въ желудокъ къ тигру, и потому старалась ни на одну минуту не спускать меня безъ себя на землю.

Она очень хорошо знала мою слабость—хорошо поѣсть и потому часто мнѣ говорила:

— Берегись, твое обжорство не доведетъ тебя до добра!

Но я ея не слушалъ и старался отдѣлаться отъ нея шутками.

Наша жизнь въ лѣсу протекала очень счастливо и шумно. Мы жили въ большомъ ладу съ попугаями, такъ какъ можно съ увѣренностью сказать, что гдѣ въ Африкѣ встрѣчаются попугаи, тамъ живутъ и мартишки, и наоборотъ—присутствіе попугаевъ можно предположить во

всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются и мартишки.

Есть много на свѣтѣ породъ обезьянъ, но мы, мартишки, самыя подвижныя, самыя веселыя и самыя милыя изъ всѣхъ обезьянъ. Мы живемъ большими обществами. Жизнь у насъ въ такихъ обществахъ бьетъ ключемъ: мы ссоримся, деремся, кричимъ и миримся, лазаемъ по деревьямъ, бросаемся плодами и шишками, играемъ, виснемъ внизъ головой на хвостахъ и дѣлаемъ гримасы. Мы не признаемъ никакой власти надъ собой и слушаемся развѣ только того изъ насъ, кто больнѣе всѣхъ дерется и бьетъ насъ по щекамъ. Мы никогда не заботимся о жилищѣ, о пищѣ и питѣ, такъ какъ въ родномъ лѣсу всегда къ нашимъ услугамъ готовъ и столъ и домъ, стѣбитъ только взобраться повыше на деревья. Насытившись, мы садимся на вѣтвяхъ и стволахъ и грѣмся на солнышкѣ. Въ это время наши матери кормятъ грудью своихъ младенцевъ, болѣе взрослые мартишки ищутъ другъ у дружки въ головѣ.

Когда же мы попадаемъ въ такую мѣстность, гдѣ всѣ плоды на деревьяхъ съѣдены или еще не дозрѣли, то мы отправляемся на грабежъ. При этомъ мы проявляемъ особенное нахальство. Подъ предводительствомъ самаго стараго изъ насъ, мы всѣмъ стадомъ отправляемся къ какому-нибудь засѣянному полю. При этомъ матери Чашы несутъ своихъ ребятъ у живота, а младенцы крѣпко дер-

жатся своими хвостиками за ихъ хвосты. Сперва мы приближаемся къ полю тихонько, съ большой предосторожностью. Если все благополучно, то нашъ вожакъ поощряетъ насъ звуками, похожими на кашель, и мы подбираемся къ полю. Дойдя до поля, мы сразу бросаемся на него, отламываемъ со стеблей початки кукурузы, вычищаемъ изъ нихъ зерна и стараемся быстро засунуть ихъ въ наши защечные мѣшки. Когда мѣшки эти бываютъ наполнены, то мы начинаемъ играть: мы продолжаемъ отламывать отъ стеблей початки кукурузы и бросаемся ими другъ въ друга. При этомъ никто изъ насъ не боится ничего, такъ какъ за нашей безопасностью смотритъ нашъ вожакъ: онъ то и дѣло поднимается на заднія ноги, оглядывается вокругъ и продолжаетъ кашлять, если опасности не представляется. Если же выбѣжитъ вдругъ человѣкъ съ ружьемъ, то вожакъ издаетъ громкій дребезжащій звукъ и всѣ мы опроретью бросаемся обратно въ лѣсъ. Но при этомъ мы не испытываемъ ни малѣйшаго страха; напротивъ, это намъ бываетъ весело, мы дурачимся на пути, дѣлаемъ гримасы и кривляемся на разные лады.

Мы не боимся никакихъ хищныхъ звѣрей, никакихъ хищныхъ птицъ. Отъ хищныхъ звѣрей мы всегда спасаемся на вершины деревьевъ, куда они ни въ какомъ случаѣ взобраться не могутъ, а птицъ мы прогоняемъ палками и вѣтвями. Если же кто-

нибудь изъ насъ и попадаетъ иногда въ зубы леопарда или шакала, то это потому, что по глупости своей или по обжорству долго засидится на землѣ. Такъ и мой папаша попался въ лапы дикому звѣрю потому, что любилъ лишнее покушать. Но чего мы страшно боимся, такъ это змѣй. Передъ ними мы дрожимъ всѣмъ тѣломъ, подъ ихъ взглядами мы застываемъ на мѣстѣ и отдаемся въ полную ихъ власть. Они кушаютъ насъ и въ особенности нашихъ малышей, сотнями.

Иногда мы хвораемъ. Чаще всего у насъ болитъ животъ и бываютъ раны, которыя мы наносимъ другъ другу въ дракѣ. Боль живота наши матери излечиваютъ намъ тѣмъ, что прижимаютъ насъ къ своему животу и это служитъ намъ какъ бы припаркой или грѣлкой, которую употребляетъ въ такихъ случаяхъ для себя и человѣкъ, а къ ранамъ мы прикладываемъ себѣ жеваную траву, похожую на табакъ.

Въ темныя ночи мы крѣпко спимъ на вершинахъ деревьевъ, цѣпко ухватившись за ихъ вѣтви своими хвостами. Когда же свѣтитъ луна, то мы всю ночь проводимъ въ играхъ, проказничаемъ или же дѣлаемъ набѣги на сосѣднія кукурузныя поля.

Однажды вечеромъ, рѣзвясь при свѣтѣ луны на мягкой зелени лѣса, я увидѣлъ у подошвы одной банановой пальмы какой-то странный предметъ, какого еще ни разу въ жизни не видѣлъ. Это была громад-

ная бутылка съ очень узенькимъ горлышкомъ. Я не безъ колебанія подошелъ къ этой удивительной вещи, которая меня въ одно и то же время и привлекала къ себѣ и пугала.

Оглядѣвшись по сторонамъ, я заглянулъ въ горлышко этой бутылки и увидѣлъ въ ней... Ахъ, зачѣмъ я заглянулъ въ нее! Я увидѣлъ тамъ то, что навѣки лишило меня свободы: превосходныя, крупныя, желтыя зерна самой спѣлой кукурузы. Правда, я ихъ ѣлъ уже не разъ, хотя и не часто, во время тѣхъ рискованныхъ прогулокъ, которыя мы всѣмъ стадомъ совершали въ сосѣднія поля. Но тогда за мною присматривала мать и я никакъ не могъ забыть, что я былъ еще маленькій. Теперь же я былъ уже большой, бояться было некого, къ тому же и зерна въ бутылкѣ были такія крупныя, какихъ я не ѣлъ еще никогда.

И я просунулъ въ горлышко бутылки свою правую руку и схватилъ въ ней полную горсть зеренъ.

Когда-же я хотѣлъ вытянуть руку обратно, то это оказалось невозможнымъ. Я сталъ упираться, трясти бутылъ другою рукою, но все оказалось напраснымъ; рука моя уже больше не вынималась изъ бутылки. Это стало меня беспокоить. Тогда я почесалъ лѣвой рукою у себя въ головѣ и сказалъ:

— Не надо сердиться... Нужно подумать хорошенько, какъ поступить. Вѣдь рука вошла въ бутылъ свободно; почему-же она такъ-же сво-

бодно не выходитъ изъ нея? Нужно упереться въ бутылъ задними ногами и постараться вытянуть руку изъ всѣхъ силъ...

Я уперся въ бутылъ задними ногами и потянулъ руку, — но результатъ оказался тотъ-же самый. Осталось потащить за собою и бутылъ, но она была такъ тяжела, что все равно я не могъ-бы ее поднять. Сердце у меня болѣзненно сжалось. Конечно, можно было-бы свободно вытащить руку изъ бутылки, если-бы я разжалъ горсть и высыпалъ изъ нея зерна обратно. Но развѣ я могъ это сдѣлать? Развѣ я могъ разстаться съ такими крупными, вкусными зернами?

Тогда я вспомнилъ о матери и сталъ кричать. Бѣдная мать! Заслышавъ мои крики, она тотчасъ-же прибѣжала ко мнѣ и я рассказалъ ей, въ чемъ дѣло; она шлепнула меня ладонью по затылку и сказала:

— Брось сейчасъ-же зерна! Можетъ быть, рука и освободится!

— Но, мама, отвѣчалъ я ей, — вѣдь это кукуруза! Да еще спѣлая!

— Лучше потерять зерна, чѣмъ свободу! продолжала мать. — Брось сейчасъ же!

— Но, вѣдь, если я брошу ихъ, то все равно ихъ скушаетъ кто-нибудь другой!

— Тѣмъ лучше.

— Но вѣдь это моя находка! Она должна принадлежать мнѣ!

— Это невозможно!

— Мама, я попытаюсь еще разъ вытащить руку, не разжимая горсть.

— Это бесполезно; повѣрь мнѣ и брось эту несчастную привычку вѣчно ѣсть! Быть можетъ, мы всѣ завтра же соберемся на кукурузную плантацию и я сама соберу тамъ для тебя самыхъ спѣлыхъ зеренъ.

— Но вѣдь эти уже собраны... Къ тому-же я очень боюсь людей...

— Послушайся меня, мой милый мартынчикъ, разожми свою ладонь!

Но я не хотѣлъ разстаться со своимъ сокровищемъ и не хотѣлъ слушать мать. Я бѣшено сталъ потрясать посудой и тащить изъ нея руку, надѣясь, что горлышко расширится и я вытащу сквозь него полную горсть. Мать все еще продолжала уговаривать меня, но я разсердился на бутылъ, сталъ плакать и рѣшилъ не разжимать горсти, чтобы ни случилось.

— Ты упрямъ, какъ твой покойный отецъ! закричала на меня мать.— Онъ тоже погибъ, благодаря своему обжорству!

Какъ вдругъ въ кустахъ послышался шумъ. Какіе-то два человѣка, одѣтые въ бѣлые костюмы, вышли изъ нихъ и направились прямо къ намъ.

Со слезами на глазахъ мать стала умолять меня бросить зерна и разжать ладонь. Но я рѣшилъ ни за что на свѣтѣ не разставаться съ зернами и еще крѣпче стиснулъ свои пальцы и сталъ изъ всѣхъ силъ потрясать бутылкою.

— Пафъ! Пафъ! раздались вдругъ два выстрѣла и моя бѣдная мать, схватившись обѣими руками за раненную грудь, повалилась къ моимъ ногамъ.

Я сразу какъ-то одурѣлъ. Я не понималъ ровно ничего, что вокругъ меня происходило, но цѣпко держалъ свою добычу и не разжималъ свою ладонь.

Одинъ изъ людей подошелъ ко мнѣ и взялъ меня за шиворотъ.

— Славная обезьянка!.. сказалъ онъ.— Я отнесу ее къ нашему командиру.

— Превосходно, отвѣтилъ другой.— Но посмотри, дружище, она все еще не хочетъ разстаться съ зернами! Ахъ, ты, лакомка, обратился онъ ко мнѣ.— Да развѣ ты не знаешь, что это будетъ стоить тебѣ свободы! Вотъ не ожидалъ, что такъ легко и глупо ловятся обезьяны!

И оба они стали смѣяться.

Затѣмъ одинъ изъ нихъ разбилъ въ бутылки горлышко и освободилъ мою руку. Увидѣвъ въ своей горсти спѣлыя кукурузныя сѣмена, я сталъ ихъ быстро ѣсть. Они подождали, когда я всѣ ихъ съѣлъ, и взяли меня на руки. Тогда я понялъ, въ чемъ дѣло, и сталъ жалобно стонать. Но они не сжалились надо мной и унесли меня изъ родного лѣса къ себѣ на пароходъ и подарили меня своему командиру.

Командиръ привезъ меня въ Суэцъ и здѣсь подарилъ меня моему теперешнему хозяину, капитану Русскаго

судна, шедшаго изъ Дальняго Востока въ Россію.

Хозяинъ далъ мнѣ имя Кри-Кри, и повезъ меня въ Европу. И вотъ я въ Россіи, часто не вижу вовсе солнца и вспоминаю о своей матери и о родномъ лѣсѣ. Я часто тоскую.

Милая мать, зачѣмъ я не слушаль тебя, зачѣмъ не разжалъ тогда кулакъ?

Но быть можетъ это мое приключеніе заставило меня быть меньшимъ лакомкой и довольствоваться тѣмъ, что дадутъ?.. Ничуть не бывало! Часто и теперь, когда кухарка Пелагея зазѣвается и оставитъ дверь въ кухню открытой, я тихонько пробираюсь въ кухню, вскакиваю на столъ и, схвативъ съ него самую

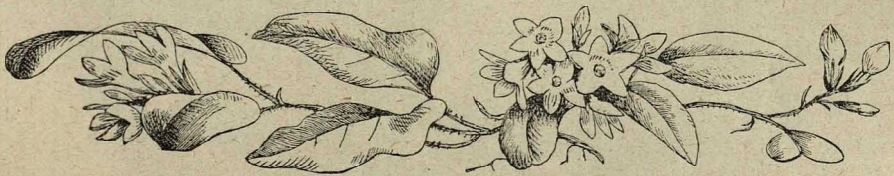
спѣлую морковку или лукъ, со всѣхъ ногъ бросаюсь подъ лѣстницу и начинаю ѣсть...

Это не хорошо, но что-же дѣлать? Таковы ужъ мы всѣ обезьяны...

Я обожаю морковку и лукъ. Въ особенности лукъ. А отъ лука-порей я просто безъ ума. Я могу его съѣсть, сколько угодно.

Но вотъ ужъ слышенъ звонокъ. Это возвращаются мои господа. Сейчас имъ отворить Пелагея, которая вернулась изъ театра, не заставъ тамъ ни одного свободнаго билета. Я складываю эти мои записки и посылаю ихъ въ редакцію «Золотого Дѣтства». Авось ихъ тамъ напечатаютъ. Такъ и попрошу подписать:

Кри-Кри.

УЖЕ СЕНТЯБРЬ.

Уже сентябрь... Минуло лѣто,
Листва опала, дождь идетъ
И птичка ранняго привѣта
На вѣткѣ звонко не поетъ.

Уже сентябрь... Овесъ скосили
И слышны звуки молотбы...
Давно-ли мы въ лѣсу бродили
И находили тамъ грибы?

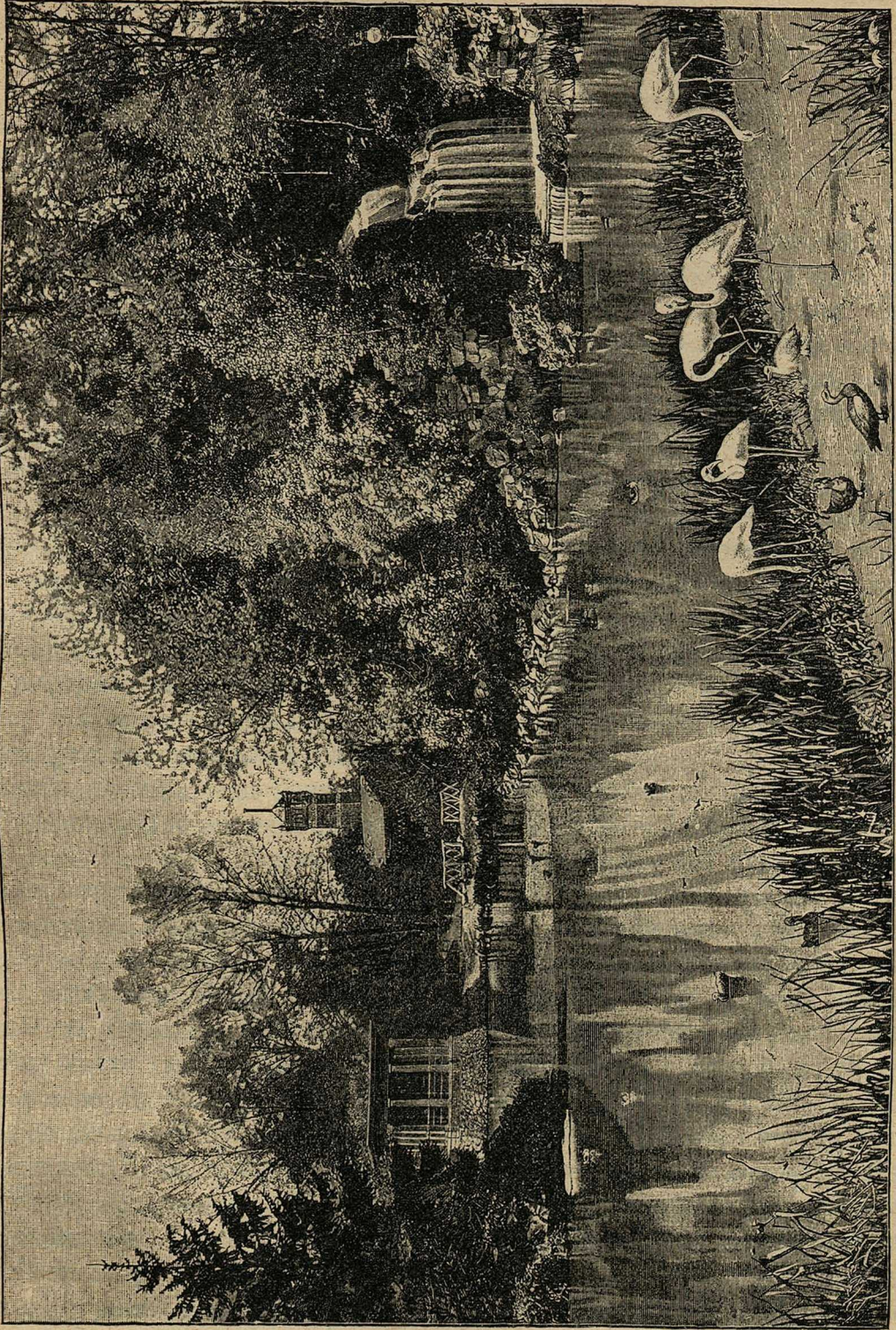
И вотъ сентябрь... Утрами знобко
Подернулъ лужи тонкій ледъ...
И солнце свѣтитъ какъ-то робко...
Къ намъ осень хмурая идетъ.

Кузнечикъ.

Красавица.

Въ Зоологическомъ саду въ Берлинѣ.

ДРУЖОКЪ и ТЕТУШКА.

Повѣсть.

(Окончаніе).

Не видя долго Сони, тетушка забеспокоилась.

— Надо послать за ней къ сосѣдямъ, сказала она. — Что она такъ долго тамъ засидѣлась? Пора-бы ужъ и домой!

И она послала къ дядюшкѣ Настю.

У дядюшки очень удивились. Тамъ сказали горничной, что Соня ушла уже давно и гдѣ она теперь, не знаютъ ни дядюшка, ни племянникъ. Такъ Настя и передала хозяйкѣ.

«Что за странность такая?..» подумала тетушка. — «Куда-бы ей дѣться?»

Она накинула на себя кофточку и пошла къ Куриликѣ, чтобы узнать, не тамъ-ли она? Но у Курилихи ей сказали, что Соня къ нимъ вовсе не заходила. Тогда тетушка рѣшила, что нужно пойти домой, подождать возвращенія Сони и затѣмъ строго ее наказать за уходъ безъ спроса.

— Да вы, барыня, напрасно успокоились... сказала ей Поля. — Какъ только Сонечка пришла изъ гостей и узнала, что увели ея Дружка, такъ и побѣжала въ горы его отыскивать. Надо заявить о ней старостѣ или уряднику.

У тетушки похолодѣло подъ сердцемъ.

— Кто же ей сказалъ, спросила она ее,—что ея Дружка увели?

— Я-съ... отвѣтила Поля.

— Ну, и дура!

Тетушка не на шутку испугалась и, выскочивъ изъ воротъ, побѣжала по улицѣ вдоль селенія, чтобы сообщить объ исчезновеніи дѣвочки татарину Мустафѣ-Айвазу, который исполнялъ должность старосты.

Какъ вдругъ, не пройдя и сорока шаговъ, она встрѣтила татарина Бабая, который велъ за собою на веревкѣ Дружка.

— Какъ? воскликнула тетушка. — Ты ведешь его обратно живымъ? Что это значитъ? Только даромъ деньги берешь?

— Не нужно мнѣ вашъ деньги! сердито проворчалъ ей татаринъ. — Я не желаю убивать этотъ собака. Онъ ни старый, ни больной, ни злой, за что-жъ его убивать? А какой умный! Такой умный, такой умный, какъ ты сама умный! Я повелъ его въ лѣсъ, чтобы убить, привязалъ его къ дереву и сталъ прицѣливаться въ него. А онъ поднимался на заднія лапки, сложилъ переднія лапки на свой грудь вотъ такъ, жалостно взглянулъ на меня и гавкнулъ, точно прѣсиль у меня, чтобы я его не уби-

валъ. А у меня тоже свой душа есть. Мнѣ его жалко сталъ и я не смогъ его убиваль и выстрѣлилъ въ воздухъ. Вотъ тебѣ, барыня, твой два рубля назадъ!

— Да какъ-же ты смѣлъ? крикнула на него тетушка.

Бабай посмотрѣлъ на нее и покачалъ головою.

— А ты, барыня, согласился-бы убить человѣка? Нѣтъ? Вотъ этотъ самый собака лучше, чѣмъ человѣкъ. Такъ иди и убивай его сама! А теперь бери свой деньги назадъ и иди домой чай кушать. Я этотъ собака убивать не хочу.

Тетушка презрительно измѣрила глазами Бабая и взяла отъ него Дружка.

— Какой ты татаринъ? сказала она.—Ты мокрая курица, а не татаринъ. А еще мужчина!.. Баба ты старая, а не мужчина! Вотъ ты кто!

Татаринъ оглянулся по сторонамъ, увидалъ, что кругомъ никого нѣтъ, сжалъ свой громаднѣйшій кулакъ и поднёсъ его тетушкѣ прямо къ самому носу.

— А не хочешь-ли покушалъ это? спросилъ онъ ее.

Тетушка испугалась, поблѣднѣла и со всѣхъ ногъ бросилась къ себѣ домой. Дружокъ еле могъ за ней поспѣвать. А Бабай, ворча, зашагалъ къ себѣ обратно.

Возвратясь къ себѣ домой съ Дружкомъ и снова не найдя дома Сони, тетушка встревожилась не на шутку. Была уже ночь, горы уже потонули

въ облакахъ и съ моря подулъ рѣзкій вѣтеръ.

— Гдѣ вотъ ее теперь искать? задала тетушка себѣ вопросъ.—Пожалуй, еще умретъ гдѣ-нибудь въ горахъ, тогда грѣха не оберешься. А все изъ-за этой вотъ противной собаки.

Она поглядѣла на Дружка и ей вдругъ стало жаль и его и Соню.

«Въ самомъ дѣлѣ», подумала она.—«Вѣдь я не хорошо поступила»...

И взявъ Дружка за ошейникъ, она привела его въ сарай, погладила по спинѣ и ласково сказала:

— Ну, спи здѣсь! Нечего тутъ!.. Ужь лежи, не трону!..

И отойдя къ калиткѣ, она посмотрѣла на темное море.

— Ахъ, неприятность какая... проговорила она.—Ну, кто-бъ могъ ожидать, что девченка приметъ это такъ близко къ сердцу?..

Все еще безпокоясь, она снова вышла на улицу. Бѣжать къ старостѣ было уже поздно, а дѣлать тревогу, поднимать все селеніе на ноги казалось неприличнымъ. Она постояла немного и пошла вдоль улицы. Ея сосѣдка, г-жа Дубоносова, поливала у себя около домика цвѣты. Анна Семеновна подошла къ ея полисаднику и заглянула черезъ него.

— Здравствуйте, сказала она.—Вы не видали моей племянницы Сони?

Г-жа Дубоносова подняла голову, поправила на носу очки и отвѣчала:

— Видала... Она побѣжала въ горы... Ищетъ свою бѣдную собаку, которую вы приказали убить... Сей-

... Она лежитъ на спинѣ и Дружокъ бѣгаетъ вокругъ нея.

часть моя кухарка ходила въ горы за коровой, такъ встрѣтила ее на пути.

А потомъ г-жа Дубоносова поставила лейку на землю и покачала головой.

— Нехорошо, сосѣдушка, нехорошо... сказала она.—Такъ съ сиротами не поступаютъ!

Тетушка что-то проворчала ей въ отвѣтъ и отошла отъ полисадника.

Значитъ Соня дѣйствительно отправилась въ горы, но куда? Гдѣ ее теперь искать? Разспросить сосѣдку кухарку, — но для этого пришлось бы снова возвращаться къ Дубоносихѣ, а она этого не желала. Что-же оставалось дѣлать?

И, смиривъ свою гордость, она отправилась къ сосѣду-дядюшкѣ, чтобы попросить у него совѣта.

Дядюшка въ это время сидѣлъ у себя въ саду, въ которомъ уже не было столько цвѣтовъ, какъ въ прош-

ломъ году, благодаря воздвигнутой стѣнѣ, заслонившей отъ него солнце. Около него на столѣ горѣла свѣча подъ стекляннымъ колпачкомъ и онъ читалъ газету. Тутъ же у стола сидѣлъ Вася Милашкинъ и что-то рѣзалъ перочиннымъ ножомъ. Увидѣвъ тетушку у себя въ саду, послѣ столькихъ лѣтъ тяжелой ссоры, дядюшка вскочилъ и сталъ протирать себѣ глаза. Онъ не вѣрилъ себѣ.

— Я къ вамъ, сосѣдушка, обратилась къ нему тетушка и въ волненіи опустилась на скамейку.—Войдите въ мое положеніе,—помогите!

— Что такое? встрепенулся дядюшка.—Въ чемъ дѣло?

— Вѣдь Софья у меня пропала!

— Какъ пропала? испугался Вася Милашкинъ.

— Да такъ и пропала, продолжала тетушка.—Я приказала убить ея собаку Дружка,—грѣха теперь ужъ таить нечего, — а она взяла да на ночь-то глядя и убѣжала искать его въ горы.

— Въ горы? спросилъ дядюшка.—Почему вы знаете, что именно въ горы?

— Дубоносихина кухарка тамъ ее видѣла. Бѣжитъ, говоритъ, сломя голову по лѣсу и все время кричитъ: Дружокъ! Дружокъ!

Тетушка сама сочинила это, но оказалось недалеко отъ правды.

— Ахъ, бѣдная дѣвочка, бѣдная дѣвочка... вздохнулъ дядюшка. Что же теперь дѣлать?

— Да ужъ помогите, батюшка, какъ-нибудь! сказала тетушка.—Вѣдь вы мужчина, а я бѣдная беззащитная женщина... Каждому легко меня обидѣть...

Она вытащила платокъ и приложила его къ глазамъ. Носъ у нея сталъ краснымъ.

Дядюшка заложилъ руки въ карманы пиджака и въ волненіи заходилъ взадъ и впередъ по дорожкѣ своего сада. Вася Милашкинъ сбѣгалъ въ домъ и возвратился оттуда въ большихъ болотныхъ сапогахъ и въ кожаной шведской курткѣ. Въ рукахъ у него была большая палка.

— Что-жъ, сказалъ наконецъ дядюшка, — вѣдь ждать нечего, надо дѣйствовать! Иначе она тамъ сломитъ себѣ шею! Расскажите все, какъ было дѣло!

Тетушка рассказала ему все.

— Вотъ что, сказалъ вдругъ дядюшка. — Надо взять съ собою и Дружка. Онъ очень привязанъ къ Сонѣ, такъ можетъ указать намъ къ ней дорогу. Кромѣ того, это удивительно умная собака, не такая дура, какъ вы...

Въ другое время тетушка разсердилась-бы на дядюшку и наговорила-бы ему кучу дерзостей, но теперь она сдѣлала видъ, будто вовсе не слыхала этихъ его словъ.

— Мы войдемъ сейчасъ къ вамъ въ домъ, продолжалъ дядюшка, —

подведемъ Дружка къ постели Сони и я постараюсь ему объяснить, въ чемъ дѣло. Я увѣренъ, что онъ пойметъ меня и поможетъ намъ отыскать ее. Ты, Васюха, зажги два фонаря и захвати съ собой веревку. Живо!

Милашкинъ со всѣхъ ногъ бросился на чердакъ за фонарями и веревкой, а дядюшка, оставивъ тетушку одну, пошелъ надѣть на себя большіе сапоги.

Мальчикъ уже прыгнулъ внизъ, соскочилъ на другой камень и скоро исчезъ въ глубинѣ пропасти.

Десять минутъ спустя, дядюшка и Вася уже входили въ домъ къ тетушкѣ и сильно стучали каблуками по полу. Завидѣвъ тетушку, Томка испугался этого стука и со всѣхъ ногъ бросился къ ней подъ юбку. Но когда онъ пробѣгалъ мимо дядюшки, то дядюшка въ потьмахъ не разглядѣлъ его и сильно отдалилъ ему хвостъ. Тетушка и на этотъ разъ смолчала.

Когда Дружка выпустили изъ сарая, то онъ съ радостнымъ визгомъ помчался въ домъ къ Сонѣ. Онъ обошелъ всѣ комнаты и, не найдя нигдѣ Сони, печально вышелъ въ садъ и заскулилъ.

— Гдѣ Соня? обратился къ нему дядюшка.— Нѣтъ Сони! Ищи Соню! Гдѣ она? Ищи, ищи ее!

Собака повиляла хвостомъ, понюхала воздухъ и поглядѣла по сторонамъ.

— Гдѣ Соня? повторилъ дядюшка.— Ищи ее!

Дружокъ вдругъ понялъ, чего отъ него хотѣли, сталъ кружиться по саду и нюхать землю, нашелъ Сонины слѣды и вдругъ стрѣлою помчался къ калиткѣ.

— Онъ нашелъ ея слѣдъ! воскликнулъ Вася Милашкинъ.— Теперь дайте ему итти! Пусть онъ бѣжитъ впередъ!

Все время обнюхивая землю, Дружокъ побѣжалъ вдоль улицы, свернулъ къ виноградникамъ, добѣжалъ до шалаша Бабая, остановился около

него на одну минуту и затѣмъ вновь помчался прямо въ лѣсъ.

Дядюшка и Вася, съ фонарями въ рукахъ, едва успѣвали слѣдовать за нимъ.

— Если онъ такъ будетъ бѣжать и теперь, сказалъ дядюшка,— то мы скоро потеряемъ его изъ виду.

Но умное животное, побѣжавши въ главную просѣку лѣса, вдругъ остановилось и стало ожидать до тѣхъ поръ, пока оба они не подошли близко на его выразительный лай. Дождавшись ихъ, Дружокъ побѣжалъ далѣе по слѣдамъ Сони и, дойдя до того мѣста, гдѣ дѣвочка такъ еще недавно стояла на колѣняхъ и оплакивала его, онъ остановился, задралъ голову кверху и долго нюхалъ воздухъ. Затѣмъ онъ снова бросился въ путь, обнюхивая каждую травинку и осматривая каждый кустъ и, уже не останавливаясь, добѣжалъ до того мѣста, гдѣ Соня еще разъ остановилась, понявъ, что сбилась съ дороги.

— Она здѣсь тоже останавливалась, сказалъ Вася, наводя свой фонарь на сосѣдніе кусты.— Я вижу здѣсь примятую траву и обломанную вѣтку... Вотъ она!

Дружокъ продолжалъ съ храпомъ обнюхивать слѣды. Повидимому, онъ самъ потерялъ ихъ и долго бѣгалъ назадъ и впередъ, стараясь ихъ вновь найти. Затѣмъ, почувявъ что-то, онъ снова побѣжалъ впередъ, громкимъ лаемъ приглашая ихъ слѣдовать за собой. Съ еще большимъ рвеніемъ онъ сталъ обнюхивать землю и кусты,

часто останавливался, снова пускался впередъ и возвращался назадъ, пока наконецъ не добѣжалъ до того мѣста, откуда Соня, въ страхѣ, побѣжала, куда глядѣли ея глаза. Здѣсь Дружокъ сталъ описывать круги и жалобно скулить.

— Онъ запутался и самъ, сказалъ дядюшка.—Онъ потерялъ ея слѣдъ!

Въ эту минуту Дружокъ со всѣхъ ногъ бросился впередъ и скоро исчезъ въ глубинѣ темнаго лѣса.

— Дружокъ! Дружокъ! кричали ему дядя и племянникъ. — Гдѣ ты? Отзовись.

Вдругъ гдѣ-то внизу, глубоко, слышался его отдаленный лай.

— Онъ нашелъ ее! воскликнулъ дядя.—Слышишь, какъ радостно онъ залаялъ?

— Да, да! воскликнулъ и Вася.— Пойдемъ, дядя, скорѣй! Слѣдуй за мной, я буду тебѣ свѣтить.

Но въ эту минуту около нихъ вдругъ появился Дружокъ. Онъ что-то держалъ въ зубахъ.

Дядя и племянникъ нагнулись, чтобы получше разсмотрѣть, что онъ принесъ. Это была бѣлая шелковая ленточка, которою были повязаны волосы Сони.

Вся схватилъ Дружка за ошейникъ.

— Стой, дядя, строго сказалъ онъ.— Здѣсь по близости должна быть пропасть. Смотри не оборвись въ нее! Свѣти передъ собою лучше, а я отправлюсь вслѣдъ за собакой.

Не забудь мнѣ кричать, чтобы я зналъ по голосу, гдѣ ты.

И, обратившись къ Дружку, онъ сказалъ:

— Ну, Дружокъ, я слѣдую за тобой. Веди меня! Гдѣ Соня? Гдѣ она? Ищи, ищи ее!

Дружокъ побѣжалъ прямо къ пропасти и повлекъ за собою и Васю.

— Боже мой! воскликнулъ дядя.— Неужели она сорвалась въ пропасть?

И приложивъ себѣ руки ко рту, онъ закричалъ, сколько хватило у него силъ:

— Самъ-то не сорвись! Эй, Вася! Ау!

— Ау! слышался откуда-то снизу голосъ Васи.

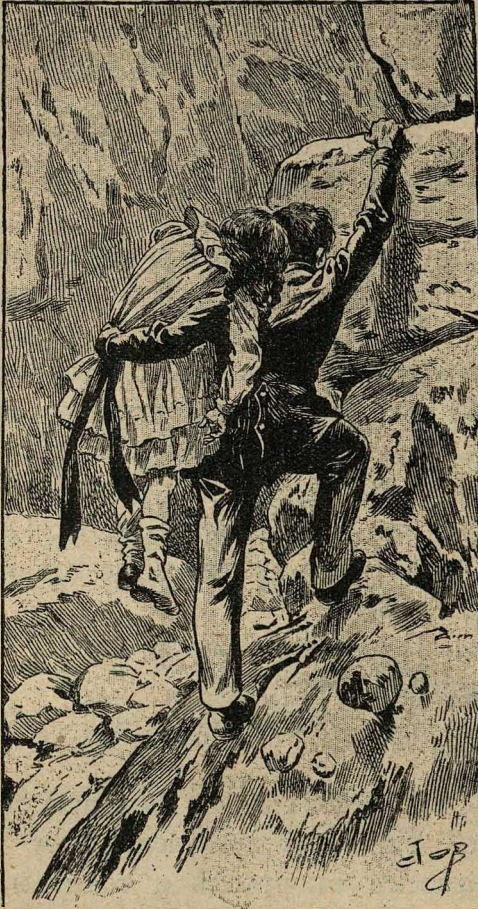
— Не сорвись, говорю, самъ!.. Ты слышишь меня? Ау!

— Ау!.. откликнулось эхо въ горахъ.

Затѣмъ все стихло. Дядюшка стоялъ одинъ въ дремучемъ лѣсу съ фонаремъ въ рукахъ и томительно ожидалъ. Сердце у него билось. Что, если и Вася погибнетъ на днѣ пропасти? мелькнуло у него въ умѣ.— Что онъ тогда будетъ дѣлать безъ этого мальчика, котораго любитъ, какъ родного сына?

Какъ вдругъ издалека снизу до него донеслись лай Дружка и жалобные вопли Васи.

— Онъ нашелъ ее, воскликнулъ дядя,—но нашелъ безъ признаковъ жизни, иначе онъ радостно-бы мнѣ закричалъ... Бѣдная, бѣдная дѣвочка! Знала-ли ты, что найдешь здѣсь свой конецъ?..

Вася взвалилъ Сою къ себѣ на плечи и осторожно сталъ подниматься съ нею наверхъ.

И, набравшись храбрости, дядюшка со всѣхъ ногъ бросился къ тому мѣсту, откуда слышались собачій лай и вопли Васи.

— Стой, стой! вдругъ послышался Васинъ голось.—Ты на самомъ краю обрыва!..

Дядюшка остановился. Подъ его ногами зіяла темная пропасть. На днѣ ея лаялъ Дружокъ.

— Ты нашель ея? обратился къ племяннику дядя.

— Нѣтъ... отвѣтилъ онъ.
— Чего-же ты стонешь?
— Ушибъ себѣ колѣнку... Фонарь погасъ и я напоролся на какой-то камень.

— И все еще больно?
— Нѣтъ, теперь прошло..
— Да ты мнѣ не ври, говори всю правду!.. Прошло, или больно?
— Честное слово, прошло!
— Ну, въ такомъ случаѣ, что-же мы теперь будемъ дѣлать?
— Ты мнѣ свѣти, а я посмотрю внизъ.

— Ладно, гляди!
Дядюшка высоко поднялъ фонарь. Лай на днѣ пропасти все еще продолжался.

Нѣжно опираясь о плечо своей пріемной дочери, онъ гулялъ съ нею по саду.

Ночью на озеръ въ Баварии.

— Что ты видишь? спросилъ дядя.

— Ничего... отвѣтилъ племянникъ.

Дядя еще выше поднялъ фонарь.

— Ну, а теперь? спросилъ онъ.

— Я вижу ее, дядя, вдругъ воскликнулъ Вася.—Вонъ-вонъ она лежитъ на спинѣ и Дружокъ бѣгаетъ вокругъ нея!

Подъ сердцемъ у дяди похолодѣло.

— Бѣдняжка... вздохнулъ онъ.— Значитъ, теперь ужъ она мертва! Царство ей небесное!

Вася нагнулся и закричалъ внизъ во все горло:

— Соня! Мы здѣсь! Мы идемъ къ тебѣ на помощь!

Оба они стали прислушиваться. Но кромѣ лая Дружка до нихъ не доносилось ничего.

— Ну, чтожъ? сказалъ Вася.—Попробуемъ къ ней сойти!

— Ты хочешь спускаться внизъ? испугался дядюшка.— Вѣдь это невозможно! Это опасно! Ты сломаешь себѣ голову или разобьешься на смерть!

— Не разобьюсь... отвѣтилъ Вася, зажигая свой фонарь.—А если и сломаю себѣ голову, то новая вырастетъ!

И поднеся фонарь къ самой стремнинѣ, онъ сталъ приглядываться внизъ.

— Сперва я прыгну вотъ сюда, потомъ вотъ сюда, рассуждалъ онъ вслухъ.—А далѣе спущусь на животѣ вонъ по той скалѣ...

— Безумецъ! воскликнулъ дядюшка.— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ полѣзешь внизъ?

Но мальчикъ уже прыгнулъ внизъ, соскочилъ на другой камень и скоро исчезъ въ глубинѣ пропасти.

— Господи, прошепталъ дядюшка и набожно сложилъ руки ладонями вмѣстѣ и поднялъ глаза кверху.— Спаси его и сохрани!

А въ это время снизу послышался голосъ Васи.

— Она жива! Сердце у нея бьется и Дружокъ лижетъ ей лицо! Мертваго собаки не лижутъ!

Дядюшка опустился на колѣни и коснулся лбомъ сырой земли. Никто не видѣлъ, какъ онъ горячо молился, никто не видѣлъ его радостныхъ, благодарныхъ слезъ.

А Вася взвалилъ Соню къ себѣ на плечи и осторожно сталъ подниматься съ нею наверхъ. Она была безъ чувствъ и головка у нея повисла, какъ у раненой умирающей птички. Она не слышала, ни какъ лаялъ около нея Дружокъ, ни какъ Вася взвалилъ ее къ себѣ на плечи и сталъ карабкаться съ нею наверхъ.

— Свѣти, дядя! крикнулъ Вася наверхъ.— Мнѣ ничего не видно! Мой фонарь опять погасъ!

Дядя направилъ свой фонарь на то мѣсто, откуда послышался голосъ его племянника и сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать.

Подняться изъ пропасти наверхъ было ничто въ сравненіи съ тѣми опасностями, которымъ Вася подвергался, когда спускался внизъ. Даже неся на себѣ Соню, онъ не чувствовалъ себя въ такомъ затруднитель-

номъ положеніи, какъ когда спрыгивалъ внизъ съ камня на камень или сползалъ на животѣ по откосу.

Въ глубокомъ молчаніи, полный сознанія торжественности минуты, дядюшка ожидалъ его наверху. Склонившись надъ пропастью и далеко протянувъ передъ собою фонарь, онъ въ то же время старался не смотрѣть внизъ и невольно закрывалъ глаза.

Но вотъ еще нѣсколько усилій, Вася цѣпляется свободной рукой за выступъ скалы, нога его твердо упирается о камень, и дядюшка видитъ его уже близко отъ себя.

— О, мой храбрый, самоотверженный Вася! радостно восклицаетъ дядя и слезы ручьями текутъ у него по щекамъ.

Тѣмъ временемъ Вася вылѣзаетъ наверху, кладетъ Соню на землю и встряхиваетъ отеками руками. Дядя подходитъ къ нему и крѣпко сжимаетъ его въ своихъ объятіяхъ.

— Спасибо тебѣ... говоритъ онъ.— Ты постушилъ, какъ настоящій человекъ.

Вася стряхнулъ съ себя пыль и отъ фонаря дяди зажегъ свой фонарь.

— Ну, дядя, сказалъ онъ,—теперь бери Соню за плечи, а я за ноги и понесемъ ее домой. Намъ нечего здѣсь ожидать. Вѣроятно, уже поздно и докторъ давно уже легъ спать.

Дядя и Вася прицѣпили къ себѣ фонари, подняли Соню и понесли ее домой.

А Дружокъ?.. Дружокъ весело вилялъ хвостомъ и съ сознаніемъ испол-

неннаго долга важно шествовалъ позади нихъ. Выскочить изъ пропасти для него было дѣломъ какихъ-нибудь двухъ минутъ.

Все селеніе уже спало, когда дядя и племянникъ внесли въ него Соню. Спала и тетюшка Анна Семеновна, нѣжно прижавъ къ себѣ кота. Ставни на ея домѣ были затворены и калитка оказалась запертой на ключъ.

— Знаешь, что? обратился дядюшка къ Васѣ.—Чѣмъ намъ здѣсь поднимать на ноги весь домъ, отнесемъ-ка ее лучше къ намъ!

Вася уже давно хотѣлъ предложить это дядѣ и теперь былъ радъ, что дядя самъ догадался это сдѣлать.

Они внесли Соню къ себѣ и съ заботливостью нѣжной матери положили ее на Васину кровать и раздѣли. Вся она была въ ссадинахъ и синякахъ и видно было, что она долго катилась внизъ. На затылкѣ у нея былъ глубокій шрамъ и отъ запекашейся крови слиплись въ комокъ ея мягкіе волосы. Обложивъ ее компрессами, приготовивъ ей питья, обмывъ ей раны и синяки, дядюшка укрылъ ее роскошнымъ шелковымъ одѣяломъ, которое осталось у него послѣ его покойной жены, и сѣлъ у ея изголовья, прислушиваясь къ малѣйшему ея дыханію. Но она все еще не приходила въ себя.

Вася побѣждалъ за докторомъ, чуть не оборвалъ у него звонокъ и стучалъ къ нему въ двери кулаками такъ, что перепугалъ всю его семью

и переполошилъ всѣхъ собакъ въ селеніи.

Всю ночь всѣ трое провозились около Сони и только къ утру она глубоко вздохнула и открыла глаза.

— Гдѣ Дружокъ?.. чуть слышно произнесла она.

А Дружокъ, услышавъ ея голосъ, бросился къ ней, положилъ переднія лапы къ ней на кровать и сталъ радостно визжать.

Потянулись длинные дни. Соня все еще лежала въ своей постели, но здоровье мало-по-малу возвращалось къ ней и она стала уже сидѣть и вырѣзывать картинки. Вася все время былъ около нея, читалъ ей, смѣшилъ ее и дѣлалъ ей разныя игрушки.

Приходила тетушка провѣдать Соню, но встрѣча ея съ племянницей была какая-то холодная и видно было, что она была довольна, что Соня хворала не у нея.

А когда Соня встала уже съ постели и въ первый разъ вышла въ садъ, то дядюшка нарвалъ ей громадный букетъ своихъ самыхъ любимыхъ розъ и подарилъ ей. Этого не могъ ожидать отъ него никто, такъ какъ дядюшка никому въ мірѣ не давалъ своихъ розъ.

Недѣлю спустя, Вася и Соня, гуляя по саду, услышали черезъ стѣну громкіе крики дядюшки и тетушки. Дядюшка отправился къ тетушкѣ и что-то громко ей объяснялъ. Повидимому, она не хотѣла его слушать и своимъ визгливымъ голосомъ старалась его перекричать. Затѣмъ го-

лоса ихъ смолкли, дядюшка вернулся домой и сталъ быстро собираться въ дорогу.

— Ты, дядя, куда? удивился Вася.

— Въ Ялту и Симферополь... коротко отвѣтилъ дядя.

— Зачѣмъ?

— Послѣ узнаешь. Береги здѣсь Соню!

Вася зналъ, что если дядюшка на что-нибудь рѣшился, то исполнитъ это, и не сталъ его спрашивать.

— А о чемъ это ты такъ громко разговаривалъ съ сосѣдкой? рискнулъ Вася спросить.

Дядюшка досталъ свои ордена, осмотрѣлъ ихъ и тоже сунулъ ихъ въ чемоданъ.

«Дядя куда-то собирается по очень важному дѣлу», подумалъ Вася, глядя на ордена.

— О чемъ ты такъ громко разговаривалъ съ сосѣдкой? повторилъ Вася свой вопросъ.

— Насилу старуху уломалъ! такъ же коротко отвѣтилъ дядя.— Не хотѣла соглашаться...

— На что?

Дядюшка не отвѣтилъ. Такія минуты бывали съ нимъ рѣдко и Вася зналъ, что въ нихъ не добьешься отъ дяди ничего. Поэтому онъ отошелъ отъ него и сталъ увязывать въ ремни его подушки.

Подѣхалъ экипажъ. Дядюшка грузно сѣлъ въ него и отправился въ дорогу.

Черезъ четыре дня онъ вернулся обратно и жизнь потекла своимъ че-

редомъ. Вася и Соня бѣгали по саду, дядюшка глядѣлъ на нихъ и радовался и только иногда Соня косо посматривала на стѣну и боялась, что скоро должна настать минута, когда тетюшка потребуетъ ее къ себѣ назадъ.

Но она такъ и не настала. Дядюшка не даромъ ѣздилъ въ Ялту и въ Симферополь: два мѣсяца спустя ему принесъ урядникъ пакетъ и попросилъ его росписаться.

Дядюшка распечаталъ пакетъ, прочелъ его и набожно перекрестился.

— Слава Богу! сказалъ онъ.—Теперь я не одинъ!

— Чего ты крестишься, дядя? спросилъ его племянникъ.

Дядя подошелъ къ дѣтямъ и нѣжно прижалъ ихъ обоихъ къ себѣ.

— Теперь ужъ я не дядя вамъ, отвѣтилъ онъ,—а отецъ. Ты и Соня мнѣ усыновлены. Конечно, я не замѣню вамъ родного отца, но оба

вы будете для меня дороже, чѣмъ родныя дѣти!

И онъ вынулъ изъ кармана платокъ и сталъ сладко плакать.

— Теперь я не одинъ... повторялъ онъ.—Теперь я не одинъ... у меня есть сынъ и дочь!

Они стояли около него и въ первую минуту не знали, что подумать...

Двѣ недѣли спустя, Вася отправился въ Симферополь въ гимназію, а Соня осталась уже у своего новаго отца. Онъ нѣжно ее любилъ, она бѣгала по его саду и по дому и ей казалось, что здѣсь она уже жила вѣкъ и здѣсь родилась и что этотъ человекъ, который ее приютилъ—ея настоящій отецъ.

И проходя мимо домика дядюшки, люди всякій разъ видѣли, какъ, нѣжно опираясь о плечо своей приѣмной дочери, онъ гулялъ съ нею по саду и что-то ласково ей говорилъ.

По L. Mussat.

К О Н Е Ц Ъ .

О С Е Н Ъ .

Какъ-то сразу, незамѣтно
Ласточки вдругъ скрылись,
А давно-ли по усадьбѣ
Быстро такъ носились?

Все затихло... На берегахъ
Листья пожелтѣли,
Журавли съ печальнымъ крикомъ
Къ Югу полетѣли.

И кругомъ—въ поляхъ, въ деревнѣ
Стало такъ уныло,
Что чего-то не хватаетъ,
Жаль того, что было.

Но не бойся, снова птицы
Къ намъ весной вернуться,
Снова зелень оживится,
Пѣсни раздадутся!..

Аистъ.

ВОРОБЕЙ.

(Разсказъ морского офицера).

Изъ Пьера Лоти.

Пароходъ стоялъ далеко отъ берега и къ нему везли на лодкѣ цѣлую партію арестантовъ, чтобы отправить ихъ въ каторжныя работы.

Среди нихъ былъ одинъ старикъ, лѣтъ семидесяти отъ роду. Онъ везъ съ собою маленькую клѣтку, въ которой находился обыкновенный, сѣренькій воробей.

Лицо старика было симпатично, но чтобы онъ не убѣжалъ, его приковали цѣпью къ другому каторжнику, молодому человѣку въ очкахъ.

Я сопровождалъ этихъ арестантовъ къ пароходу и очень заинтересовался старикомъ и его воробьемъ. Зачѣмъ онъ беретъ его съ собою въ ссылку?

— Это мой близкій другъ... отвѣтилъ мнѣ каторжникъ.—Я совершенно одинокъ во всемъ бѣломъ свѣтѣ и эта птичка простила всѣ мои грѣхи и полюбила меня. Она—единственное мое сокровище, которое я везу съ собой и которое составляетъ всю отраду моей погибшей жизни. Она отлично знаетъ мой голосъ, взлетаетъ ко мнѣ на плечи и ласкается ко мнѣ такъ, точно я вовсе не преступникъ.

— Откуда же вы ее взяли?—спросилъ я старика.

— Она сама прилетѣла ко мнѣ въ тюрьму,—отвѣтилъ онъ,—и прожила

тамъ со мною цѣлый годъ. Я дѣлился съ нею крошками чернаго хлѣба и водой и когда настала весна, то она сама не захотѣла отъ меня улетать и такъ и осталась вмѣстѣ со мной. Ахъ, съ какимъ трудомъ я получилъ наконецъ разрѣшеніе начальства взять этого воробья съ собою въ мѣсто ссылки! А потомъ?.. Потомъ нужно было еще смастерить эту клѣтку, раздобыть лучинокъ, проволочекъ и зеленой краски... Хотѣлось устроить такъ, чтобы помѣщеніе для моего сѣренькаго дружка было удобно и красиво.

Я взглянулъ на воробья. Онъ беззаботно прыгалъ съ жердочки на жердочку въ клѣткѣ и весело чирикалъ.

— Когда я приѣду на мѣсто ссылки, продолжалъ старикъ,—то я выпущу его на свободу и онъ будетъ вѣкругъ меня летать. Онъ любитъ меня, я тоже его люблю и потому онъ никогда отъ меня не улетитъ. Онъ знаетъ, что онъ единственная отрада моей жизни. Всю мою жизнь меня никто не любилъ, я ожесточился сердцемъ и вотъ сдѣлался преступникомъ. Теперь меня полюбилъ этотъ воробей и я сразу же сдѣлался человѣкомъ и понялъ, что достаточно одной крупички любви, чтобы люди не погибали...

Мы вышли въ открытое море. Вѣтеръ былъ настолько свѣжій, что нашу лодку бросало, какъ щепку, и мои матросы выбивались изъ силъ, чтобы пристать благополучно къ пароходу. Я долженъ былъ внимательно слѣдить за дѣйствіями своей команды и потому прервалъ разговоръ со старикомъ и самъ взялся за руль.

Но вотъ мы уже на пароходѣ. Звонъ цѣпей, шумъ, послѣдніе взгляды на родину, глубокіе вздохи—и нашъ пароходъ отправляется въ путь. Всѣ ссыльные стоятъ на палубѣ и грустно смотрятъ на удаляющійся берегъ. Сейчасъ имъ сдѣлаютъ перекличку и спустятъ внизъ.

— Возьмите ее... вдругъ слышу я около себя голосъ моего старика.

Онъ говоритъ это упавшимъ голосомъ и протягиваетъ ко мнѣ клѣтку. Двѣ крупныя слезы катятся у него по щекамъ.

Я не понимаю, въ чемъ дѣло, и отвѣчаю:

— Нѣтъ, ужъ везите его съ собой... Тамъ, далеко отъ родины, этотъ воробей будетъ для васъ незамѣнимымъ другомъ.

Старикъ грустно качаетъ головой.

— Его ужъ больше нѣтъ... говоритъ онъ.—Развѣ вы не знаете?

И онъ рассказываетъ, какъ десять минутъ назадъ дверца въ клѣткѣ какъ-то неожиданно отворилась, воробей чего-то испугался, вылетѣлъ и, подхваченный вѣтромъ, ударился о бортъ, расшибъ себѣ крыло и упалъ въ воду. Это была ужасная

минута! Видѣть своего единственнаго друга, какъ онъ выбивается изъ силъ и утопаетъ и не быть въ состояніи броситься къ нему и спасти его отъ смерти! Онъ кричалъ, умолялъ, просилъ помощи, хотѣлъ броситься въ море самъ, но его удерживала цѣпь, которою онъ былъ прикованъ къ другому... Но кто захочетъ слушать мольбы каторжника, лишеннаго всѣхъ правъ? Кому нуженъ этотъ обыкновенный, сѣрый воробей, которыхъ такъ много летаетъ по городамъ? Развѣ можно предполагать, что командиръ остановитъ пароходъ для спасенія ничтожнаго воробья, да еще принадлежащаго этому отторженному человѣку? Какая глупая, невозможная мысль!

Старикъ стоитъ у борта парохода, грустно глядитъ на пѣнящіяся волны, въ которыхъ погибло маленькое тѣлице его перваго въ жизни друга. И чувство страннаго, безвыходнаго, невыносимаго одиночества вдругъ охватываетъ все его существо.

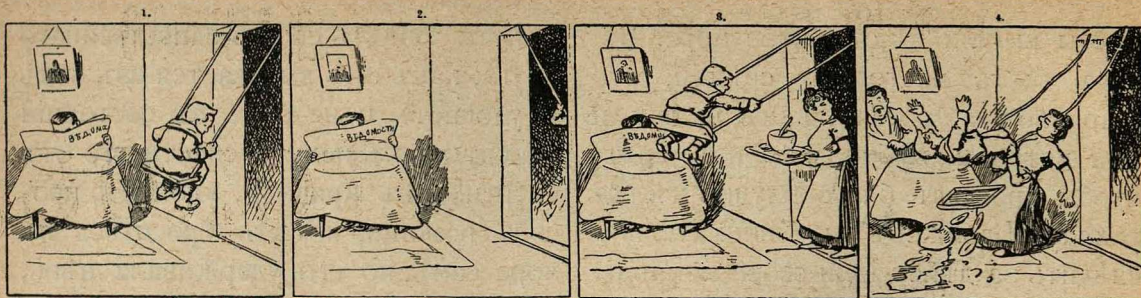
— Теперь я одинъ, одинъ навсегда! говоритъ онъ.

И крупныя слезы струями катятся у него по щекамъ.

Итакъ, воробья уже больше нѣтъ. На что-же старику нужна эта жалкая клѣтка, которую онъ дѣлалъ съ такимъ воодушевленіемъ, съ какимъ дѣдушка строитъ колыбель для своего любимаго, единственнаго внука!

— Смирно!! раздалась вдругъ команда конвойнаго!

И старикъ отеръ слезы и покорно сталъ въ ряды.

Теперь онъ отправится въ ссылку совершенно одинъ. Онъ тамъ будетъ жить совсѣмъ одинъ, одинъ и умретъ, но воспоминаніе о воробѣѣ будетъ послѣднимъ утѣшеніемъ передъ его кончиной.

Его тоже любили. Всѣ семьдесятъ лѣтъ прожилъ старикъ и вотъ, подъ конецъ жизни, его тоже полюбили. Если не человѣкъ, то хоть воробей. Для суровой, сухой души достаточно и того, чтобы она размякла и чтобы лучшія чувства пробудились въ ней и чтобы на грубое сердце сошла благодатная роса.

Было уже поздно и я отправился къ себѣ въ каюту спать.

Я могъ-бы на первой стоянкѣ купить для старика какую-нибудь птицу, даже попугая, и подарить ее ему, но развѣ это замѣнитъ ему его бѣднаго воробья? Развѣ это залечитъ рану въ его сердцѣ?

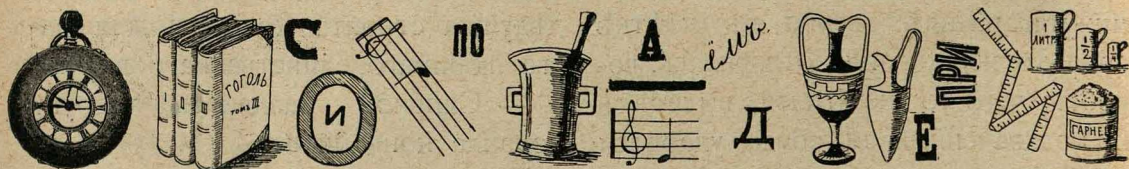
Бѣдный, бѣдный, одинокій старикъ! Никакая райская птица не замѣнитъ тебѣ того скромнаго, сѣренькаго воробья, который сумѣлъ пробудить въ твоей загрубѣвшей душѣ первые проблески ласки и любви.

Разгадка ребуса № 10, помѣщеннаго въ № 19 «Золотого Дѣтства», ВЪ ЭТИ ДОЖДЬ ЛИВЫЕ ДНИ МНОГИЯ БАБОЧКИ ОКОЛѢЛИ.

Вѣрные рѣшенія прислали: Володя, Шура и Липа Шумахеръ изъ Ростова-на-Дону, Вова Пигулевскій изъ Россіенъ, Миля Вайнштейнъ изъ Алѣшекъ, Аня Лажечникова изъ Москвы, Вѣра и Надя фонъ-Клугенъ изъ Кіева, Андрей Ленчевскій изъ Риги, Вѣра Львова изъ Череповца, Ляля и Шура Ардабацкія въ Спб., Эллинора Заккисъ изъ Юрьева, Владиміръ Тимофѣевъ со станціи Спирово, Марина Петрова, Ксения Лаврентьева и многіе другіе.

Ребусъ № 9 вѣрно рѣшили: Надя Романенко изъ Гайсина, Ляля и Шура Ардабацкія въ Спб.

РЕБУСЪ № 11.

1911

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PH.D. THESIS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

1911

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PH.D. THESIS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

1911

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЬ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)
подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **3 р. 80 к.**,
на полгода — **1 руб. 90 коп.**

Подписка принимается: а) для иногородныхъ — въ **Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3;** б) для городскихъ подписчиковъ — въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостинный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостинный Дворъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ЧАСТНОЕ МУЖСКОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

СЪ КУРСОМЪ

ГИМНАЗІЙ и РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ

К. Ѳ. ѲЕДОРОВА.

С.-Петербургъ, М. Гребецкая, 3, собственное обширное зданіе близъ Большого пр.
и Тучкова моста.

Пріемъ учениковъ въ I, II, III и IV классы и въ **приготовительный** классъ
ежедневно.

Окончившіе городскія училища принимаются безъ экзамена.

При Учебномъ заведеніи Элементарная Школа и Дѣтскій Садъ.

Подробности письменно по требованію.

Телефонъ 294—72.